DOI: 10.25728/MLSD.2020.1321

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВНОВЕСИЯ В ПРИЛОЖЕНИИ К ЗАДАЧАМ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ВЛИЯНИЕ КОРОНАКРИЗИСА

Рослякова Н.А.

Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, Россия, г. Москва

ул. Профсоюзная д.65

roslyakovaNA@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются основные постулаты теории применительно к региональному экономическому пространству. На основе статистических данных автор обосновывает гипотезу о том, что разные регионы Российской Федерации пребывают в состоянии рецессионного и инфляционного разрывов. Для рецессионного разрыва характерен уровень цен стабильно выше равновесного, для инфляционных, напротив, уровень цен стабильно ниже равновесного.

Ключевые слова: региональная дифференциация, кластеризация, динамика цен, рецессионный разрыв, инфляционный разрыв, коронакризис.

Введение

Уже на протяжении нескольких лет в мировой экономике наблюдаются кризисные явления, который в существенной степени являются системными свойствами моделей непрерывного расширение рынков сбыта, ориентированных на максимизацию прибыли. Одним из базовых свойств является расщепление процессов обращения, когда развития процесса денежного обращения отрывается от процесса обращения продукции и начинает идти по своими законам, периодически формируя финансовые "пузыри" и провоцируя экономические кризисы.

Обратная сторона выгод обширного мирового рынка и всеобщего торгового обмена в настоящее время становится очевидной даже для главных выгодоприобретателей – европейского и американского обществ, где произошло понимание, что дополнительные прибыли не распределяются на все слои населения, а концентрируются в определённых кругах. На этом фоне развивается кризис власти в этих государствах [1].

Развернувшийся в начале 2020 г. кризис, связанный с новой коронавирусной инфекцией (коронакризис) только обострил существовавшие ранее противоречия, когда на уровне оказалось допустимым арестовывать (в сущность изымать) или перекупать партии медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты, предназначенные для другой страны. Эта политика, однако, входит в противоречие с возможностью долгосрочного совместного позитивного межстранового взаимодействия после прохождения данного кризиса.

По этой причине регионализация экономического пространства и национальный протекционизм становятся важным инструментом защиты национальной экономики и средством уменьшения неравенства, балансирования в распределении доходов, получаемых на уровне мирового рынка. В этом контексте, высокая зависимость какого-либо бизнеса или отрасли от положения на международном рынке не может не рассматриваться как угроза национальной безопасности [2], что опять же продемонстрировал коронакризис. В этом смысле гораздо более перспективной идеей функционирования государства является ориентированность не на максимизацию прибыли, благодаря тесной связи с глобальным рынком, а на стратегическую, долгосрочную устойчивость и воспроизводимость экономической системы отдельной страны.

1 Теория вопроса

Доминирование научных идей, связанных с максимизацией прибыли, в отношении региональной экономической науки, привело к тому, что в западной экономической мысли преобладали исследования, не учитывающие в явном виде территорию, и часто экономики рассматривались в целом на национальном уровне [3]. В частности, факторы национального уровня заняли одну из лидирующих позиций в объяснении динамики региональных экономик [4]. Также внешний спрос стал считаться основной силой регионального экономического роста [5], а модели, связанные с торговлей (например, модели повышающейся отдачи, сравнительных конкурентных преимуществ) заняли лидирующее место в объяснении причины концентрации экономической деятельность.

Этот курс на экономический рост, основанный на торговле, в целом усугубили проблемы регионального неравенства и дефицитов производительности труда. Однако, после кризиса 2008 года начали развиваться альтернативные точки зрения, например, о том, что предположения

традиционных экономических теорий, такие как априорная равновесность и автоматическое стремление экономических систем к равновесию перестали описывать реальное положение вещей. В жизни же наблюдаются самовоспроизводящиеся и усиливающиеся дисбалансы (подробнее об этом в [6]. Поэтому основной упор в новой концепции должен быть сделан на изучение и понимание фундаментальных факторов неоднородности социально-экономического пространства.

В российской и советской экономической школе, которая восходит к идеям теории воспроизводства К. Маркса, на протяжении многих лет велась разработка экономических концепций, в который территория и экономические пространство были одними из ключевых элементов. На этой основе были разработаны и обоснованы разноплановые критерии эффективности экономического развития, которые легли в основу реальных планов по освоению и формированию воспроизводственных циклов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Под воспроизводственным процессом принято понимать непрерывно продолжающийся процесс возобновления необходимых для производственной деятельности производительных сил и производственных отношений. К. Маркс так определил процесс воспроизводства: «… как общество не может перестать потреблять, также оно не может перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления…» [7]. При этом региональный воспроизводственный процесс является основой самосохранения и саморазвития региона, и В.И. Беляев [8] отмечает, что с разрушением воспроизводственного процесса на некоторой территории она перестаёт быть регионом в социально-экономическом смысле этого слова и превращается в регион в географическом смысле слова (другое определение этого явления «инвестиционная пустыня»). Превращение это происходит не одномоментно, но тем не менее известна масса примеров, когда некогда экономические развитые и процветающие территории были заброшены (например, города Детройт, Флинт, Дулут и в целом территория «ржавого пояса» США; ряд малых и средних городов России, так называемые моногорода, которые имели градообразующее предприятие в военной, добывающей, горно-обогатительной, электротехнической сфере, например, Промышленный, Республика Коми, Чаронда, Вологодская область, Мичуринск, Тамбовская область, Кыдыкчан, Магаданская область).

В контексте воспроизводственного подхода рост экономики рассматривается в широком смысле, то есть, должен не столько происходить рост социально-экономических показателей, сколько улучшение продукции, повышение технологического уровня производительных сил, развитие социальных и экономических отношений по производству и распределению. Здесь уместно привести разницу в терминах, на которое обращают внимание Муруа Дж. и Ферреро А. [9]. Так «resilience» (сопротивляемость, отказоустойчивость, жизнестойкость) определённо соответствует воспроизводственному подходу, однако противоречит распространённому и устоявшемуся понятию «sustainability» (допустимость, приемлемость), которое в большей степени соотносится с концепцией максимизации прибыли. То есть, определённые условия (например, обнищание отдельных слоёв населения, связанное с ростом глобализации торговли) становятся допустимыми и приемлемыми, если позволяют максимизировать прибыль. Однако, эти же обстоятельства ведут к тому, что экономическая система теряет свою жизнестойкость и отказоустойчивость.

В свою очередь, воспроизводственный подход для каждого процесса в регионе определяет пропорции производства, распределения, перераспределения и потребления продуктов и услуг в материальной и стоимостной форме. Это создаёт основу для создания более эффективных параметров спроса и распределения доходов, следовательно, порождает новые воспроизводственные циклы и процессы через инвестиции. Наращивание и укрепление воспроизводственных связей между регионами и внутри них, создаёт защиту от глобальной экономической волатильности и, в целом, может создавать условия для импортозамещения, обусловленного ростом производства и совершенствованием продукции региона.

2 Неравновесные состояния в России: материалы и методы

Преобладание в российской практике управления экономическим развитием на протяжении 1990-2000-х гг. описанных выше концепций, основанных на примате торговли, привело к нарастанию региональных диспропорции. Для подавляющего большинства регионов России можно наблюдать, что далеко не весь произведённый ВРП потребляется здесь же, то есть рост произведённого ВРП не всегда будет означать повышение уровня доходов и развитие экономики в регионе. В свою очередь, отток из региона денег блокирует процесс простого воспроизводства (нижняя граница загрузки производственных мощностей). То есть, можно сказать, что в регионах комплекс воспроизводственных отношений в новых рыночных условиях ещё не был до конца сформирован, но

уже начал воспроизводиться и закрепляться несовершенные пропорции. Усиление и закрепление этих неблагоприятных пропорций проявляется в том, что только небольшое число регионов России имеют положительный баланс притока населения и капитала (Москва, Московская область, ХМАО, Свердловская область).

На первоначальном этапе исследования была проведена группировка с помощью методов кластеризации, в качестве параметров кластеризации использовались данные о социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации в 2018 г. Потенциал и структура экономики региона задавались через экономические показатели – ВРП и занятость в различных отраслях. Эти данные были дополнены параметрами, связанными с демографическим, социальным состоянием регионов и оценками уровня благосостояния, чтобы максимально полно учесть сложившийся в регионе характер не только экономических, но и социальных отношений. Всего для кластеризации использовалось 28 показателей.

Для проведения кластеризации необходимо масштабировать величины и привести их к одной размерности. Здесь важно подчеркнуть, что в случае наших показателей мы имеем два типа величин: которые принимают только положительные значения (большинство показателей, например, ВРП, доходы и т.д.); показатели изменения прироста, которые принимают как положительные, так и отрицательные значения. К последним относится три показателя: коэффициент миграционного прироста, прирост (уменьшение) финансовых активов и денег у населения. Поэтому для нормализации параметров мы воспользовались двумя подходами. Большинство показателей мы пронормировали через отношение к максимальному значению по формуле (1):

$$z_i = \frac{x_i}{x_{\max}} \tag{1}$$

где, z_i – новая нормализованная оценка некоторого параметра, x_i – исходные данные для некоторого параметра, x_{max} – максимальное значение некоторого параметра. То есть итоговые нормализованные оценки представляют собой степень достижения различные регионами максимального значения параметра, соответственно, диапазон изменений оценок варьирует в пределах от 0 до 1.

Для трёх выделенных параметров применение описанного выше способа нормализации невозможно, так как данные с разным знаком, но равные по модулю получат одну и ту же оценку, что расходится с логикой. Поэтому для их нормализации мы использовали формулу (2):

$$z_i = \frac{x_i - \frac{x_{\max} + x_{\min}}{2}}{\frac{x_{\max} - x_{\min}}{2}} = \frac{2x_i - (x_{\max} + x_{\min})}{x_{\max} - x_{\min}} \tag{2}$$

где, x_{min} – минимальное значение некоторого параметра. Из формулы (2) видно, что она позволяет учесть весь диапазон данных, который которые находятся между максимальным положительным значением и минимальным отрицательным, и провести нормирование относительно этого диапазона. В конечном итоге получаемые оценки имеют размерность в пределах от -1 до 1.

На следующем этапе была проведена кластеризация по методу Варда (ниже на рисунке 1 представлена дендрограмма кластеризации). Из рисунка 1 хорошо видно разделение на 3 кластера. В случае выделения 4 кластеров (отмечено линией 1 на рисунке 1) образуются две группы: столичные регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) и развитые регионы (Тюменская область без АО, Ленинградская области и т.д.). Однако в этом случае в одну группу попадают национальные республики (Ингушетия, Чечня и т.д.) и автономные округа (Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий АО), что кажется не вполне оправданным, если учесть отличия в характере расселения и структуре хозяйства. Поэтому было принято решение выделить 5 кластеров, чтобы данные регионы также были разбиты на две отдельные группы. Это соответствует делению по линии 2 на рисунке 1.

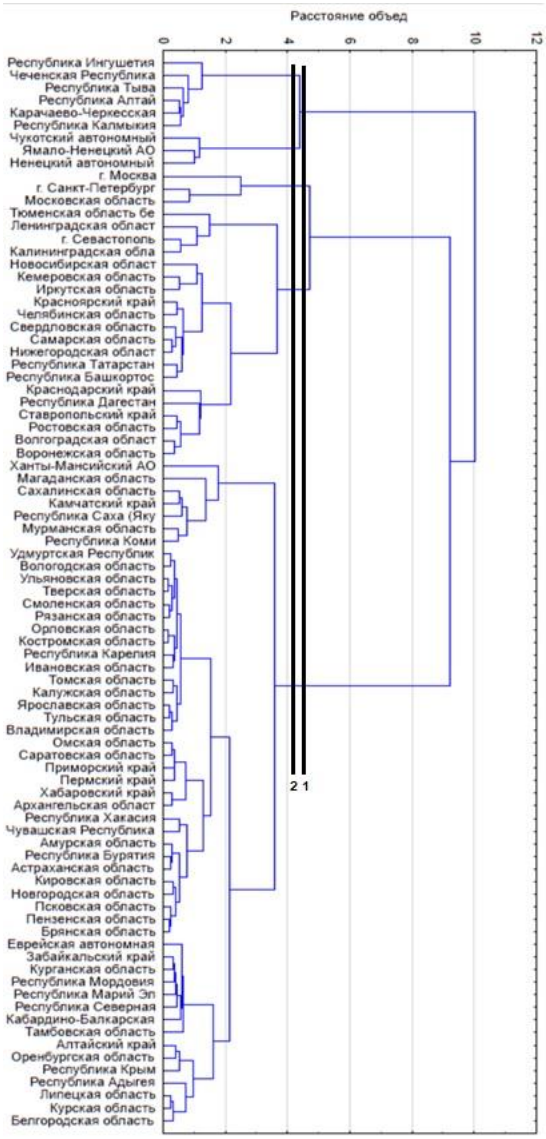

Рис. 1. Дендрограмма объединения регионов РФ в кластеры

Обобщение о характеристиках типовых регионов (расположенный максимально близко к центру каждого кластера) представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1. Типовые регионы пяти выделенных кластеров и некоторые их характеристики

Регионы	Количество регионов	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	Среднедушевые реальные денежные доходы населения в месяц, тыс. руб.	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %
Ульяновская область (кластер 1)	55	280.0	22.8	15.3
г. Санкт-Петербург (кластер 2)	3	781.2	45.0	6.6
Карачаево-Черкесская Республика (кластер 3)	6	165.4	18.1	22.9
Ямало-Ненецкий АО (кластер 4)	5	5710.1	79.4	5.8
Воронежская область (кластер 5)	16	404.8	30.3	8.9

Из таблицы 1 видно существенное различие типовых регионов между собой, также значимость деления подтверждается через дисперсионный анализ, который дал положительный результат для всех использованных при кластеризации параметров. Также из таблицы видна неравномерность распределения по группа, так малочисленной является группа регионов с высоким уровнем ВРП (кластер 4) и группа регионов с высоким уровнем жизни и качеством социальной среды (кластер 2). Однако, нужно заметить, что регионы, находящиеся на противоположном полюсе, то есть, с наименьшим ВРП и высоким уровнем бедности, также немногочисленные и представлены только национальными республиками, что вероятно связано с преобладанием традиционных способов ведения хозяйства. Особый интерес для дальнейшего более детального исследования представляют более представительные группы регионов (кластеры 1 и 5). Именно они, по нашему мнению, будет представлять ядро регионов с рецессионным и инфляционным типом разрывов.

Следующим этапом стал анализ уровней цен, их динамики и пропорций, которые сложились для разных групп регионов. Для этих целей мы использовали статистику за период с 2000 по 2018 гг. Данный период выбран потому. Что включает в себя два инвестиционно-промышленных цикла и один кризис, который разделяет этот период в середине (кризис 2008-2009 гг.). Это позволяет оценить не только общие тенденции, но возможные институциональные изменения, которые могли иметь место в два разных периода подъёма. Ниже в таблицах 2 и 3 представлены среднегодовые темпы прироста цен в различных сферах потребительских и производственных отношений.

Таблица 2. Изменение среднегодового темпа прироста цен в различных секторах потребительского рынка (проценты)

Кластер	Период 2000-2007 гг.	Период 2008-2009 гг.	Период 2010-2018 гг.
Индекс потребительских цен на продовольственные товары			
Кластер 1	15.2	10.4	8.4
Кластер 2	13.5	12.7	8.6
Кластер 3	14.3	10.9	7.9
Кластер 4	11.6	15.6	8.5
Кластер 5	13.2	12.4	8.2
Индекс потребительских цен на непродовольственные товары			
Кластер 1	12.0	9.7	6.8
Кластер 2	10.7	8.2	6.7
Кластер 3	8.6	12.4	7.1
Кластер 4	9.9	9.8	7.5
Кластер 5	10.3	10.9	6.2
Индекс потребительских цен (тарифов) на услуги			
Кластер 1	31.6	13.4	7.0
Кластер 2	24.6	13.6	6.9
Кластер 3	24.7	15.3	6.7
Кластер 4	22.7	23.3	6.6
Кластер 5	25.6	16.9	6.5
Индекс цен на вторичном рынке жилья			
Кластер 1	31.0	-0.6	3.7
Кластер 2	22.8	8.8	1.4
Кластер 3	23.8	18.3	3.9
Кластер 4	14.7	17.6	6.3
Кластер 5	22.3	7.3	2.7

Из таблицы 2 видно, что на в период первого экономического подъёма в 2000-2007 гг. жители регионов кластера 1 находились в самых невыгодных условиях, поскольку динамика потребительских цен опережала все прочие регионы. Кластер 4, напротив, ещё имел масштабные дотационные преимущества, связанные с северностью и удалённостью регионов данной группы, суровостью природно-климатических условий проживания в них, что приводило к самым низким темпам прироста потребительских цен. Последовавший кризис быстро изменил ценовые пропорции и вывел регионы кластера 4 в лидеры по росту цен по продовольственным товарам и услугам. То есть,

самый интенсивный рост наблюдался в тех сферах, где невозможно ограничить или отложить потребление (продукты и жилищно-коммунальные расходы). Период следующего экономического подъёма 2010-2018 гг. характеризуется существенно меньшем размахом в среднегодовых темах роста цен, что позволяет сформулировать предположение о управленческих решениях, направленных на сглаживание ценовой дифференциации регионов. И здесь основное преимущество получают довольно густонаселённые и экономически развитые регионы группы 5, что за счёт масштабов рынка и развитости конкурентной среды ограничивает рост цен на все категории товаров кроме продовольственных.

Таблица 3. Изменение среднегодового темпа прироста цен производителей в различных секторах рынка (проценты)

Кластер	Период 2000-2007 гг.	Период 2008-2009 гг.	Период 2010-2018 гг.
Индекс цен производителей в сфере добычи полезных ископаемых			
Кластер 1	34.2	22.9	14.4
Кластер 2	-	-	-
Кластер 3	31.3	15.2	9.1
Кластер 4	7.0	32.5	17.4
Кластер 5	35.4	0.3	11.0
Индекс цен производителей в сфере обрабатывающей промышленности			
Кластер 1	9.2	8.4	6.9
Кластер 2	10.6	11.7	6.3
Кластер 3	29.2	10.4	6.6
Кластер 4	2.1	10.8	8.1
Кластер 5	11.6	6.3	6.3
Индекс цен производителей на строительную продукцию			
Кластер 1	17.4	13.8	4.2
Кластер 2	20.3	13.0	6.6
Кластер 3	14.8	11.0	7.3
Кластер 4	17.0	16.4	7.7
Кластер 5	20.3	2.7	7.4
Индекс тарифов на грузовые перевозки			
Кластер 1	8.3	7.3	5.2
Кластер 2	25.6	18.9	6.9
Кластер 3	20.0	3.2	7.0
Кластер 4	18.2	14.0	6.8
Кластер 5	19.1	16.8	8.0

Для цен производителей в период первого подъёма также наблюдается существенно большая дифференциация по кластерам, нежели в период второго подъёма. В сфере добывающей промышленности в 2000-2007 гг. все регионы, кроме кластера 4, демонстрирует интенсивный рост. Однако кризис 2008-2009 гг. сразу же меняет ценовые пропорции и регионы кластера 4 выходят в лидеры по динамике, что сохраняется до настоящего момента. В обрабатывающей промышленности очевидны опережающие позиции столичных регионов кластера 2 и экономически развитых регионов кластера 5 (исключительно высокие темпы кластера 3 в значительной степени связаны с восстановительным ростом). Кризисный период показывает потенциал экономик регионов кластера 5, которые оказались в состоянии удерживать рост цен на самом низком уровне, в отличие от экономик кластеров 2 и 4.

3 Оценки и выводы

Наибольшее показательными являются группы 2-4. Группа 2 – столичные регионы, которые имеют относительно высокие показатели ВРП и доходов, но особенно выделяются благополучным социальным положением, что выражается в самом низком уровне бедности. Это подтверждается и высоким положительным коэффициентом миграционного прироста (КМП) на 10 тыс. чел. населения, который составляет 90.3. Группа 3 – противоположность группы 2 – национальные республики, для которых характерен крайне низкий уровень развития экономики, низкий уровень доходов населения

и самая высокая доля бедного населения, что провоцирует отток (КМП -27.2). Группа 4 представлена малонаселёнными регионами с интенсивным оттоком населения (КМП -56.2), однако преобладание добывающей промышленность делает регионы лидерами по уровню доходов и заработных плат. Следовательно, здесь преобладает вахтовый способ работы и накопление и вывоз денег за границы регионов данной группы. То есть, важно понимать, что заработные платы, которые формируются в регионах группы 4 расходуются преимущественно за пределами этой группы регионов. Если говорить о продукции, производимой в этих регионах, то она также преимущественно попадает на экспорт, что также выключает эти материалы из воспроизводственного процесса регионов кластера 4, в частности, и Российской Федерации в целом.

Наиболее многочисленные группы 1 и 5 видна принципиальная разница. Для регионов первой группы характерен интенсивный отток населения (КМП составляет -26). То есть имеет место ситуация, когда небольшой объём ВРП соотносится с небольшой численностью населения. Группа 5, напротив, имеет положительный баланс населения (КМП составляет 22,3), следовательно, можно понимать, что экономика данных регионов имеет больший потенциал, а рынок труда может воспринимать приток населения и трудовой силы. Грубо говоря можно сказать, что из регионов группы 1 население стремиться в регионы группы 5 (и регионы группы 2, разумеется).

Если говорить о динамике цен, то становится очевидным, что кластер 1 имеет самые неблагоприятные позиции в потребительском секторы, что выражается в самых высоких темпах роста цен, которые не могут компенсироваться, так как в секторе производства, напротив, наблюдается отставание в динамике цен. А вот наиболее благоприятные ценовые пропорции наблюдаются в регионах кластеров 2 и 5, которые являются густонаселёнными и экономически развитыми. Потребительские цены в низ растут наиболее медленно, а цены производство более динамично, что выступает стимулом к наращиванию производства. Это подтверждает предположение о наличии рецессионного разрыва в регионах кластера 5 и инфляционного в регионах кластера 1.

На этом основании можно сделать некоторые предположения о характер изменения потребительских и производственных предпочтений на фоне разворачивающегося коронакризиса. Так кластер регионов с уровнем развития и доходов ниже среднего (кластер 1) и кластер национальных республик (кластер 3) уже имеют оптимизированную и упрощённую структуру потребительского рынка, из-за низкой покупательной способности, что ведёт к незначительным изменениям потребительских предпочтений в кризисные периоды. В свою очередь, все регионы с интенсивной динамикой на рынке продовольственных товаров (кластеры 2, 4 и 5) могут иметь существенные изменения в данной сфере, так как для отдельных слоёв населения продовольственные товары могут становиться даже субститутом инструментов накопления. Уже имели место волны повышенного спроса на товары с длительным сроком хранения. В меньшей степени это касается регионы, осваивающихся вахтовым методом (кластер 4), из-за низкой склонности к потреблению продовольственный рынок также как в регионах 1 и 3 кластеров оптимизирован, тем не менее интенсивный рост цен также может стимулировать формировать некоторые продовольственные запасы.

В отношении сегмента товаров длительного спроса также могут иметься некоторые подвижки, так интенсивный рост цен на них может стимулировать попытки более обеспеченной части населения кластера 3 и 5, сохранить средства от обесценивания через обновление автомобиля, телевизора, бытовой техники и т.п. Для кластера 1 это неактуально из-за низкой покупательной способности, а для кластера 4 из-за отсутствия спроса на товары длительного пользования, поэтому накопления люди предпочитают вкладывать в более существенные вещи, например, улучшение жилищных условий. Для кластера 2 из-за затоваренности рынка и благоприятной динамики цен также неактуальны покупки товаров длительного пользования, а приобретение недвижимости рассматривается как возможность получения дополнительного дохода (то есть, покупка квартиры для сдачи, а не для собственного переезда). По сути недвижимость для кластера 2 выступает больше инвестиционным инструментом, а не средством накопления. Однако, кронакризис, уже поставил вопрос актуальности и целесообразности проживания людей в крупных мегаполисах и существует вероятность, что в ближайшей перспективе подобные тенденции обозначатся для более мелких городов.

Литература

1. *Теняков И.М.* Качество экономического роста как фактор национального развития : автореф. дис. … канд. экон. наук. – Москва, 2007. – 24с.
2. *Boschma R.* Towards an evolutionary perspective on regional resilience // Regional Studies. 2015, № 49 (5). –

P.733-751.
3. *Roslyakova N.* The Spreading of the Indirect Effects as the Condition for the Realization Public Interests of Regional Development // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 272, 3. Section two, 2019. – P.1-5.
4. *Михеева Н.Н.* Структурные ограничения и возможности для роста регионов в новых условиях // Труды Гранберговской конференции, 10–13 октября 2016 г., Новосибирск: Междунар. конф. «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность»: сб. докладов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – С.60-67.
5. *Миролюбова Т.В., Ворончихина Е.Н.* Определение ключевых направлений региональной экономической политики на основе эконометрического моделирования и прогнозирования регионального экономического роста // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2015, № 4 (27). – Р.80-91.
6. *Нижегородцев Р.М.* Парадигма неравновесия и задачи государственного управления в Российской Федерации в условиях импортозамещения институтов // Государственное управление. Электронный вестник. 2016, № 58. – С.39-53.
7. *Маркс К.* Капитал. Книга 1. Процесс производства капитала // Электр. библиотека https://librebook.me. 2016. URL: https://librebook.me/capital (дата обращения: 20.05.2020).
8. *Беляев В.И.* Экономический рост и региональное воспроизводство в системе стратегического управления регионом // Экономика. Профессия. Бизнес. 2017, № 3. – С.5-15.
9. *Murua J.R., Ferrero A.M.* Talking about regional resilience: evidence from two formerly rural Spanish regions // European Planning Studies. Vol. 27. 2019, № 11. – P.2312-2328.